

Статус исторической стилистики

МАРГАРИТА Н. КОЖИНА
(Пермь)

Развитие языкознания в XX столетии, как известно, шло от структуральной парадигмы к функциональной. И хотя последний аспект начинает завоевывать „права гражданства” с конца 60-х годов, но полное его признание и распространение в языковедческой науке происходит лишь в 80-90-е годы. Поэтому справедливы слова Д.Н.Шмелева о том, что „структура самой речи в различных ее проявлениях изучена с гораздо меньшей последовательностью и менее детально, чем структура языка” (Шмелев 1989: 4). Это естественно, поскольку исследование закономерностей функционирования языка, тем более в различных сферах и ситуациях его употребления, имеет еще слишком небольшую историю. С этим же связано и то, что недостаточно еще разработаны теоретико-методологические и методические основы функциональных исследований, которые, конечно, не ограничиваются трудами по функциональной грамматике, наиболее полно представляющими данное направление.

Поворот к функционализму в языкознании был подготовлен, естественно, различными направлениями этой науки напр. социолингвистикой, психолингвистикой и др.), но в нем не последнюю роль сыграла функциональная стилистика¹, поскольку изначально предметом ее изучения были закономерности употребления языка в различных сферах общения. Большой вклад в разработку этих проблем внесли, как известно, уже в 30-50-е гг. (В.Матезиус, Б.Гавранек, К.Гаузенблас, Л.В.Щерба, Г.О.Винокур, В.В.Виноградов и др.).

1 Высказывания на этот счет находим у Д.Н.Шмелева (указ. соч.), Л.Г.Кайды (1992), Л.Г.Лузиной (1989, 9).

Изучение функционального аспекта языка привело к такой ситуации в лингвистике, когда традиционные отделы науки о языке (фонетика, морфология, синтаксис) как бы раздваиваются: в каждой из этих отраслей существуют исследования аналитического, системно-структурного плана, „ориентируемые” на понимание языка как имманентной системы, и с другой стороны – функциональные. Отсюда, например, в грамматической области исследований налицо структурная грамматика и функциональная грамматика (со всеми выходящими отсюда последствиями).

И хотя всякий изучаемый объект, особенно такой сложный, как язык, может быть понят с действительной полнотой лишь в единстве его структурной и функциональной сторон, но чисто методически и практически удобно и целесообразно сосредоточиться на исследовании либо той, либо другой его сторон отдельно. Однако при этом, конечно, необходимо помнить об их единстве в реальности существования языка. В связи с чем уместно привести высказывание А.В.Бондарко: „Лишь единство грамматических единиц, классов и категорий (как языковых субстанций) с закономерностями и правилами их функционирования может служить основанием для построения грамматики как целостной системы” (Бондарко 1983).

Вместе с тем изучение функционирования языка с неизбежностью приводит исследователя, во-первых, к необходимости выхода из синхронии на диахронический аспект анализа языковых явлений (в их историческом развитии); во-вторых, к постановке вопроса о разных – по крайней мере двух – уровнях самых функциональных исследований.

Логический выход анализа на диахронию обусловлен тем, что „любое изменение языка начинается в речевой деятельности” (Кубрякова 1970: 199). Но с учетом того, что „вопрос о языковой изменчивости, представляющий постоянное качество языка, является вопросом о сущности языка” (Звегинцев 1963: 131.), сама проблема истории, развития языка не может быть изучена без обращения к функциональной стороне языка, к его употреблению. Таким образом, изменчивость языка связана с тем, что „язык существует и развивается как целенаправленная функционирующая система” (Кубрякова 1970: 200). Вместе с тем следует помнить, что функционирование происходит в обществе для удовлетворения потребностей общения, тем самым „язык изменяется под давлением нужд коммуникации” (Мартине 1965: 451). К тому же учет

аспекта функционирования языка позволяет определить причины языковых изменений.

Необходимость постановки вопроса о двух уровнях исследований в функциональной лингвистике в свою очередь вытекает из самой природы функционирования языка. Последнее может пониматься двояко и трактуется (как и термин-понятие *функция*), либо в собственно (узко) лингвистическом аспекте, либо более широком, социолингвистическом (см. Аврорин 1975: 33-34). А именно: в первом случае – в смысле роли языковой единицы в системе языка, т.е. ее (или ряда единиц, категорий) „поведении” в процессе применения языка; ее (их) „поведении” во взаимосвязях с единицами и категориями других уровней языковой системы, преимущественно в пределах системы или предложения-высказывания (т.е. как бы внутри системы языка). Во втором же случае изучается функционирование языка в целом (закономерности его употребления в разных сферах и ситуациях общения, иначе – типах текста), тем самым анализу подвергается целый текст либо группа (ип) текстов общей или близкой коммуникативной направленности.

С учетом традиционного, структурального подхода (на который – повторяем – опирается функциональный) более или менее полное познание языка предполагает совокупность даже не двух, но трех уровней анализа. Обращение же к изучению употребления языка, процессов его функционирования, подводят исследователя по крайней мере к трем следующим основным позициям: 1) анализ языка не может быть полным, оставаясь на уровне его единиц: необходимо обращение к изучению взаимодействия единиц разных уровней в реальном общении, в речи, т.е. анализ текста; 2) выход за пределы понятия языка как имманентной системы к определению закономерностей его функционирования, которые не могут быть вскрыты без обращения к экстралингвистическим факторам (выявление которых, кстати, должно быть поставлено на научную основу, а не оставаться субъективным, как это нередко наблюдается; 3) первая и вторая позиция предполагают не просто (не только) изучение взаимодействия языковых единиц в контексте отдельного высказывания-предложения, но анализ организации этих единиц и динамики их „развертывания” в целом тексте (или группе текстов, соответствующих той или иной сфере и ситуации общения). Это, в свою очередь, предполагает комплексный подход, привлечение данных смежных наук (о человеке, его общественной деятельности и культуре),

на основе которых только и можно достигнуть действительно обоснования закономерностей функционирования языка, принципов организации и механизмов развертывания текста, поскольку субъектом употребления языка является человек, общество в процессе деятельности.

Все это имеет непосредственное отношение к стилистике, тем более функциональной, в том числе – исторической.

В процессе развития лингвистической науки и ее дифференциации на научные направления (дисциплины) примерно в одно и то же время – 20-30-е годы нашего столетия – оформляются, как известно, функциональная стилистика и история литературного языка (и еще – культура речи). Эти научные дисциплины развиваются параллельно, но функциональная стилистика почти целиком в то время представлена исследованиями лишь синхронического плана. История же литературного языка, не ограничиваясь изучением строя языка, „вбирает” в себя и стилистические аспекты. В результате первая совмещает два, иногда три уровня исследований, а стилистика, на развив своего диахронического аспекта, как бы отдает его истории литературного языка, который поглощается последней. Тем самым эти научные дисциплины не имеют до сих пор своих четких очертаний. Поэтому и возникает необходимость рассмотрения этого вопроса, что является целью настоящей статьи².

Необходимость изучения стилистики языка в историческом аспекте осознается давно, но лишь частично реализуется (и, как сказано, преимущественно в русле истории литературного языка). Правда, существует понятие и термин *историческая*, или *диахроническая стилистика*. Однако она не получила еще сколько-нибудь однозначного определения. Тем более это касается исторической стилистики как собственно функциональной дисциплины, т.е. как одного из направлений функциональной стилистики.

Об актуальности рассмотрения указанного вопроса говорит, в частности факт появления в последние годы ряда конкретных исследований по исторической функциональной стилистике, а также публикации работ теоретического характера, авторы которых стремятся определить пред-

2 Речь пойдет о статусе исторической стилистики в русистике. Применительно к другим славянским языкам и научным традициям вопрос этот, по-видимому, может рассматриваться иначе. Ср. напр. фундаментальный труд по польской исторической стилистике Т.Скубаланки (Т. Skubalanka 1984).

мет и задачи исследования этой научной дисциплины: см., напр., статьи В.В. Колесова и З. К.Тарланова в сб. *Историческая стилистика* (1990). Симптоматично, что авторы этих статей, рассматривая вопросы исторической стилистики в соотношении с историей литературного языка, по-разному трактуют предмет и задачи стилистики. Поэтому следует остановиться на вопросе соотношения названных выше научных дисциплин (хотя бы в самых общих чертах).

Если посмотреть на этот вопрос в аспекте формирования самых этих дисциплин, то вырисовываются по крайней мере три решения относительно их соотношения. А именно: историческая стилистика поглощается историей литературного языка (см. напр. Горшков 1984); историческая стилистика и история литературного языка имеют некую общую зону совмещения (В.В.Виноградов и др.); наконец — это две самостоятельные научные дисциплины (Б.А.Ларин и др.).

Близость этих дисциплин и их известная нерасчлененность заложены в общности объекта исследования (но не предмета!) и история их формирования, а также недостаточном различении указанных выше уровней исследования. История литературного языка, изучая литературную разновидность общенародного языка и сосредоточиваясь на проблеме формирования ее норм, неизбежно остановиться и на исследовании многофункциональности как одном из ее признаков, т.е. на функционально-стилевых разновидностях языка. Однако стилистическая сторона языка не ограничивается функциональными стилями, и потому история языка рассматривает вопросы образования стилистических ресурсов языка в их исторической динамике, т.е. изменения стилистических потенциалов языка.

В свою очередь историческая стилистика связана с историей литературного языка, поскольку стиль — явление прежде всего именно литературного языка, связанное с высоким уровнем обработанности языка. Но при этом следует помнить, что стилистика (а отсюда в феномен стиля, стилистического в языке) существует в двух ипостасях: традиционной „стилистики ресурсов” и функциональной стилистики. Кроме того, объектом изучения одного из направлений стилистики (правда, как лингво-литературоведческой науки) является индивидуальный стиль писателей, а когда этот вопрос касается писателей-классиков, то изучение проблемы их роли в формировании литературного языка представляет интерес для истории литературного языка.

Таким образом, совмещение (или переплетение) рассматриваемых дисциплин как бы заранее predetermined. Но тогда, может быть, не стоит их различать? Однако затронутый нами вопрос — отнюдь не праздный; не случайно он был выдвинут и обсуждается лингвистами в последнее время. Связано же это с общими процессами дифференциации наук.

Итак, до настоящего времени остаются неясным до конца содержание понятий истории литературного языка и, особенно, исторической стилистики, а также вопрос об их соотношении. Однако хронологически движение научной мысли идет от неразличения, по существу, этих понятий-терминов к их различению и расчленению и, следовательно, к более определенному оформлению этих двух дисциплин как достаточно самостоятельных в процессе общей тенденции к дифференциации наук. В лингвистике это связано, как говорилось, с развитием функционального направления исследований, вернее, его окончательной победой в 80-90-е гг. нашего столетия. По свидетельству философов и ученых при изучении процессов развития обнаружились такие сложности, что в середине XX в. потребовалось обособление основных областей знания, изучающих организацию и функционирование развивающихся объектов, при котором изучение процессов функционирования может составить самостоятельный предмет исследования.

Применительно к лингвостилистике это означает необходимость — и целесообразность! — выделения исторической стилистики, наряду с другими направлениями современной общей стилистики (сопоставительной, стилистики текста и др.). Причем каждое из направлений стилистики реализуется как в аспекте строя языка („стилистика ресурсов“) так и функциональном.

Как же в истории русской лингвистики рассматривался вопрос о предмете указанных научных дисциплин и задачах их изучения?

В настоящее время история русского литературного языка осознается русистами в структуре языкознания как особая, самостоятельная наука. Стилистика, также как самостоятельная наука, развивалась в последние десятилетия преимущественно в синхроническом аспекте. Конечно, появлялись отдельные исследования, описывающие либо особенности стиля произведений тех или иных писателей XVIII-XIX вв., памятников литературы, либо стилистические ресурсы языка (преимущественно лексические) того или иного периода. Однако при этом авторы ставили перед собой различные исследовательские задачи, трудно объединимые в одно на-

правление, и даже чисто терминологически обычно не связывали свое исследование с особой отраслью — исторической стилистикой. Хотя теоретические предпосылки для оформления этой дисциплины (особенно, если ее понимать очень широко, включая поэтику) были ранее представлены в филологии³; тем не менее обобщающего труда по этой проблеме, представляющего разработанную концепцию, которая бы получила широкое признание, пока нет.

Следует признать, что историческая стилистика находится в процессе своего становления⁴ и получила именно в последние годы новый импульс для своего развития в связи с реализацией в исследовательской практике идей функциональной лингвистики. Поэтому выделение исторической стилистики как самостоятельного направления становится актуальным.

Собственно говоря, сам термин и теоретическое обоснование исторической стилистики как особой лингвистической дисциплины, были даны еще в 40-х гг. Г.О.Винокуром (1959) причем именно в связи с рассмотрением функционального аспекта языка („язык есть только тогда, когда он употребляется“). Однако идеи ученого позднее были „приложены“ к стилистике вообще (и преимущественно синхронической) а, с другой стороны, — к истории литературного языка (Горшков 1984).

Известно, что выдвижение и обоснование тезиса о функциональной природе языка и о стилистике как особой научной дисциплине, изучающей не строй, а употребление языка, было представлено Г.О.Винокуров в работе „О задачах истории языка“. В ней читаем: „перед нами новая проблема истории языка, без изучения которой, история языка неполна. Она составляет содержание лингвистической дисциплины — стилистики, поскольку речь идет об истории языка — исторической стилистики“ (1959: 222)⁵.

3 См. обзор Тарланова 1990.

4 Ср. мнение Ш.Балли (1961) о невозможности исторического аспекта в стилистике (естественно, с позиций структуральной теории).

5 Сдвиг в парадигме науки о языке от структуральной модели к функциональной сопровождается в известном смысле и перегруппировкой исследований: движение к функционализму сопряжено с тем, что центр тяжести теперь приходится на науки, изучающие не имманентную структуру, но ее употребление человеком, т.е. такие отрасли как стилистика, социолонгвистика, прагматика, психолонгвистика. Тем самым, можно говорить, что Г.О.Винокур задолго до этой ситуации предвидел и новые методы изучения

В русистике стилистический аспект у истории литературного языка сразу обозначился уже в классическом труде В.В.Виноградова *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.* (1-е изд. 1934; второе — 1938)⁶. Известно, что автор *Очерков* большое внимание уделяет роли различных разновидностей языка/речи, стилей в процессе развития литературного языка, как и взаимодействию этих стилей. Следует отметить, однако, что сам термин *стиль* употребляется еще автором неоднозначно (и часто синонимично с номинациями: разновидность языка, речь). Ср.: *три стиля ломоносовской теории, светские стили, салонные стили, дворянские стили* (при этом и *дворянский литературный язык*), *социально-групповые стили просторечия, стили карамзинской школы, литературные стили, публицистический стиль, научно-философская и журнально-публицистическая речь*. Такое словоупотребление естественно при учете времени написания *Очерков*, когда история литературного языка только еще оформлялась, а стилистика (особенно функциональная, как ее центральное звено) находилась у самых своих истоков. Большое место занимает в *Очерках* В.В.Виноградова, как известно, и вопрос о роли писателей-классиков в истории русского литературного языка.

Однако В.В.Виноградов, рассматривая историю литературного языка как историю стилей и жанровых разновидностей, в то же время считает одной из центральных задач — определение путей развития и становления норм как одного из существенных признаков литературного языка. Тем самым он не ограничивает предмет истории литературного языка стилистическим аспектом и акцентирует внимание на становлении признаков литературности языковой системы именно в аспекте становления норм литературного языка. Автор уделяет большое внимание анализу лексико-грамматического строя русского литературного языка в процессе формирования русской нации, исследует тенденции развития русского литературного языка, учитывая все его источники и разновидности

языка (изучение по всему фронту языковых средств всех ярусов) и роль и место стилистики в кругу лингвистических дисциплин.

⁶ Говорим „сразу“, так как окончательное оформление истории литературного языка в особую, самостоятельную дисциплину связывается обычно с *Очерками*... В.В.Виноградова. См. напр.: Н.И.Толстой, *Предисловие* к 3-му изд. *Очерков*... (1982: 4). Все предшествующие работы в этом аспекте следует, очевидно, рассматривать как предисторию данной науки.

в их взаимодействии (не только собственно стили): церковнославянскую „стихию”, диалекты, просторечие, разговорную речь, меняющиеся принципы употребления соответствующих языковых единиц. Причем рассматривает все это в тесной связи с историей общества, изменением роли и вкусов, запросов различных социальных слоев общества. Характерно при этом, что термин-понятие *стиль* В.В.Виноградов не считает возможным распространять на донациональный период (до XVII-XVIII вв.), предлагая пользоваться термином *тип языка*.

Б.А. Ларин, как известно, не выступая против рассмотрения стилистического аспекта в истории языка, тем не менее основное внимание в своем труде по истории русского литературного языка уделяет изменениям системы (строя) языка и считает одним из недостатков сложившихся лекционных курсов (соответствующей дисциплины) понимание истории литературного языка как цепи характеристик языка крупных писателей и литературных произведений, показ „индивидуальных особенностей языка памятника и писателя” (Ларин 1981: 7). Кстати, последнее мнение созвучно позиции Г.О. Винокура, как и позднего В.В.Виноградова.

Особую позицию в обсуждаемом вопросе занимает А.И.Горшков (1984), считая, что предметом изучения истории литературного языка является не строй языка, а „текст как феномен литературного употребления” (1984: 7), языковые же единицы рассматриваются им как „компоненты текста”, а не как „самостоятельный объект исследования” (1984: 2). Согласно мнению автора, история литературного языка изучает язык как систему подсистем, т.е. стилей и жанровых разновидностей, куда включается даже и аспект исследования „лингвистической организации литературного текста” (1984: 15). Тем самым, как видим, предметом истории литературного языка оказывается собственно стилистический объект (точнее, предмет функциональной стилистики, включая стилистику текста), взятый в историко-динамическом аспекте. В конечном счете это приводит к отождествлению истории литературного языка с исторической стилистикой, к растворению последней дисциплины в первой.

И хотя в концепции А.И. Горшкова имеются для указанного положения свои весьма интересные теоретические основания, все же с подобным решением проблемы вряд ли можно полностью согласиться. Недаром при рассмотрении затронутой нами проблемы авторы новейших публикаций стоят на позициях различения истории литературного язы-

ка, с одной стороны, и исторической стилистики, — с другой (имеем ввиду прежде всего указанные выше работы В.В. Колесова и З.К. Тарланова). Однако в понимании предмета и задач исследования названных дисциплин, особенно исторической стилистики, в ряде моментов авторы расходятся.

В.В. Колесов под историей литературного языка понимает „изучение становления и развития нормы, которая преобразуется путем последовательного осознания системы языка и ее развития” (1990: 16); историческая же стилистика, по мнению автора, „изучает средства речевой выразительности, в своей совокупности организующие стиль (стили)”, а точнее: „становление и развитие стилистических средств языка — всегда на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка” (1990: 16). По мнению автора, „историческая стилистика толкует о качественных преобразованиях в стилевом ряду” (1990: 18).

В статье рассматриваются процессы формирования образности в слове, пути развития тропов, связанные с семантическим обогащением слова и открытием текстообразующих элементов этого процесса в древнерусском языке. Поэтому „контекст включается в предмет исследования исторической стилистики” (1990: 25). Причем стилистико-лингвистические процессы увязываются с развитием мышления. Тем самым осуществляется комплексный подход, оказавшийся, на наш взгляд, чрезвычайно плодотворным и интересным. Исходя из тезиса „стиль — всегда следствие изменений по линии язык — мышление”, автор убедительно показывает теснейшую взаимосвязь этих феноменов и обусловленность формирования и употребления образных средств языка особенностями средневекового сознания. Вместе с тем при изучении этого вопроса акцентируется именно языковой аспект — создание моделей образного развития словесных значений, то есть история формирования, употребления и осмысления типов в древнерусских памятниках рассматривается как языковой процесс, но не как индивидуальная образность, являющаяся, по мнению автора, предметом поэтики (1990: 32).

В конечном счете проблему соотношения истории литературного языка и исторической стилистики В.В. Колесов решает следующим образом: „стилистика является динамической частью истории литературного языка” (там же, 19). При этом высоко оценивается значение стилистических исследований для истории литературного языка: „Может быть, потому мы не имеем научной истории русского литературного языка, —

пишет автор, — что не проработали материал с точки зрения стилистики” (там же, 19). Но вместе с тем отмечается, что „в проблематике стилистики, особенно исторической, много неясно” (с. 17); и его справедливо.

Последнее заключение можно проиллюстрировать тем, что другой автор того же сборника понятие исторической стилистики толкует более расширительно, в связи с чем иначе видится и соотношение ее с историей литературного языка. С одной стороны, автор — З.К. Тарланов — справедливо замечает, что „стилистический анализ не исчерпывается изучением стилистически маркованных средств” (1990: 14), он также утверждает, что нельзя сводить историю литературного языка к истории стилей, так как это „сужает объем и задачи истории литературного языка” (1990: 6), с чем нельзя согласиться; отсюда, кстати, следует необходимость различения этих дисциплин. С другой стороны, предмет и задачи исторической стилистики трактуются, по нашему мнению, все же весьма расширительно. Сюда, по мнению автора, относятся и многие традиционные аспекты истории литературного языка, например, исследования языка древнерусских памятников в известных работах С.П. Обнорского, В.И. Борковского; М.А. Соколовой⁷ и др., а также — „выявление и описание территориальных вариантов церковнославянского и чисто русского языков”, взаимодействие книжно-славянского и народно-литературного типов языка (1990: 7-9). К ведению исторической стилистики автор относит и вопросы истории стиля отдельных памятников, в том числе представленные с литературоведческих позиций (например, изучение общих принципов литературного и эстетического творчества в трудах Д.С. Лихачева) и др.

Итак, как видим, до настоящего времени вопрос о соотношении двух рассматриваемых научных дисциплин остается нерешенным. Причем, как справедливо замечает З.К. Тарланов, по сравнению с синхронной стилистикой „количество проблем неизмеримо возрастает при обращении к исторической стилистике” (1990: 5).

Выскажем наши соображения по затронутой проблеме (естественно, не претендуя на ее окончательное решение). И прежде всего поставим вопрос: можно ли говорить об исторической стилистике как самостоятельной научной дисциплине или как особом научном направлении общей стилистики (именно стилистики, а не литературного языка)?

7 Между прочим, заметим, что сами эти авторы вряд ли считали свои исследования стилистическими.

Предварительно заметим, что реалии и логика развития лингвистической науки привели в свое время к выделению из истории языка (так называемой, исторической грамматики) новой дисциплины — истории литературного языка, по существу с новым (точнее, смещенным) предметом исследования: не общий язык с его диалектами, а именно литературный, главными признаками которого являются нормированность, многофункциональность, обработанность (через памятники письменности) для наиболее коммуникативного целесообразного его употребления. Если история языка (историческая грамматика) могла ограничиваться изучением строя языка в его динамике, то история литературного языка, не отвлекаясь от этого аспекта, неизбежно должна была обратиться к изучению проблем формирования нормы (как, в известном смысле, степени литературности языка), принципам обработки языка обществом, закономерностям его употребления (функционирования) в связи с многообразием коммуникативных целей и задач общения в разных сферах.

Проблемы литературной обработанности языка, его нормированности и коммуникативной целесообразности употребления, тем более при его многофункциональности, естественным образом связаны с проблемами стиля. К тому же исторически сложилось так, что стилистика (особенно функциональная) и история литературного языка развивались и оформлялись в самостоятельные дисциплины одновременно, параллельно, взаимодействуя друг с другом, но главное то, что литературность языка непосредственно связана со стилем (стилистика — „обработка“ языка и речи). Поэтому стилистический аспект в истории литературного языка закономерен, как это и демонстрируется всеми работами по истории литературного языка.

Однако это лишь один из аспектов истории литературного языка, и потому правы те лингвисты, которые говорят о недопустимости сведения истории литературного языка к стилистическому аспекту, к изучению стилей языка/речи и определению ее как „стилеологии“ (термин Б.Н.Головина). Вместе с тем необходимо учесть, что феномен „стиль“ („стилистика“ в языке-речи), как известно, настолько многообразен и объемён, что как-будто даже не вмещается в рамки одной науки — стилистики. Во всяком случае следует признать факт существования ее в разных ипостасях и говорить по крайней мере о нескольких, как отмечено выше, достаточно самостоятельных (хотя и связанных общим объектом и даже предметом — изучением стиля) направлениях стилисти-

ки. А именно: традиционная „стилистика ресурсов”, куда относится, в общем, и „экспрессивная стилистика”, изучающая стилистические коннотации языка; функциональная стилистика в том числе и стилистика текста; наука о стилях художественной литературы (в отличие от двух первых направлений, приближающаяся к литературоведческой стилистике и поэтике). Причем каждое из этих направлений подразделяется на сопоставительную и историческую (диахроническую) стилистики. Однако главный „водораздел” проходит естественно между „стилистикой ресурсов”, ориентированной на строй языка, и функциональной, изучающей употребление.

Способна ли одна дисциплина, изучающая развитие литературной разновидности языка, т.е. процессы формирования признака литературности языка — его норм на всех уровнях языковой системы⁸ и т.д. — реализовать все аспекты стилистики? Да и целесообразно ли это и верно ли в теоретическом плане? Очевидно, нет. Но главное в другом: изучение самого употребления, функционирования языка, очевидно, имеет, как говорилось, не один аспект, или уровень, исследования, а два таких уровня; всего же их три, если учитывать изучение строя языка.

С этих позиций обсуждаемая проблема соотношения рассматриваемых наук будет, очевидно, выглядеть следующим образом.

В задачи истории литературного языка, как уже говорилось, входит изучение процессов развития языка (его строя на всех уровнях системы) как именно литературного, т.е. формирование признаков литературности — норм, а также стилистической „обработанности” для удовлетворения нужд общения в различных его употреблениях (т.е. обеспечения его многофункциональности). Тем самым нормативно-стилистический аспект языка на всех уровнях языковой системы в процессе ее исторического развития является здесь центральным.

Однако это не означает внимания лишь к строю языка, но и к его употреблению, к функциональной стороне языка (т.е. взаимодействию языковых средств всех ярусов системы в процессе ее употребления). Но стилистический анализ последней остается на уровне „стилистики ресурсов”, представленной в диахронии. И в этом состоит единство предмета и уровня исследования так понимаемой научной дисциплины.

8 Ср., кстати, плодотворную идею А.И.Горшкова о необходимости изучения текстовых норм в русле истории литературного языка (Горшков 1984: 15).

Между прочим отметим, что и в *Очерках* В.В. Виноградова и во всех последующих работах по истории литературного языка (особенно если они посвящены описанию не одного отдельного памятника письменности) речь идет о характерных для того или иного периода языка чертах употребления — обычно в письменной речи — разного рода стилистически окрашенных средств (церковнославянизмов, высоких книжных, разговорных, просторечных, диалектных, иноязычных и т.д.), их взаимодействия в процессе становления литературной нормы (в том числе стилистической) и изменениях последней.

Таким образом, различные разновидности, стиля языка, во-первых, берутся в их наиболее характерных лингвостилистических приметах, во-вторых, описываются сквозь призму их участия в изменении норм литературного языка. И, следовательно, выступают в исследовании по истории литературного языка в своего рода подобной функции, так как без обращения к ним невозможно представить картину развития литературного языка в его употреблении по предметам, поскольку он реально существует в тех или иных разновидностях.

Если спроецировать все сказанное на уровне анализа, то получается, что история литературного языка, изучает последний в аспекте динамики нормы, т.е. на уровне строя языка и уровне функционирования языковых единиц в пределах языковой системы по нашему, первом функциональном, и „стилистки ресурсов”, „взятой” в историческом аспекте). Эти два уровня теснейшим образом взаимосвязаны, поскольку оба не выходят за „рамки” языковой системы, рассматривая и функционирование, и стиль в аспекте языковых потенций (в их историческом развитии).

Изучение же самых по себе функциональных стилей и других стилистических разновидностей в процессе их формирования (их специфики, стилистических черт и категорий, развития смысловой структуры в ее обусловленности определенными экстралингвистическими факторами и т.д.) является, как известно, предметом функциональной стилистики; если же брать диахронический аспект, то, очевидно, все отмеченное, но „взятое” в диахроническом плане будет предметом исторической стилистики, а точнее, исторической функциональной стилистики. Здесь, свой особый предмет исследования, отличный от истории литературного языка, хотя последняя соприкасается (и даже частично пересекается) с исторической стилистикой. Историческая же стилистика корреспондирует первой лишь один возможный аспект исследования — нормативный

(роль функциональных стилей в становлении норм литературного языка в его истории), который, кстати, не является центральным для стилистики. Однако по этому аспекту объединяются все задачи исследования истории литературного языка как особой дисциплины.

Уровень исследований, представленный исторической стилистикой — это уровень стилистико-текстового анализа (выходящего за рамки предложения-высказывания в широкий дискурс и в „среду обитания“), но нашей терминологии: второй функциональный. При этом и круг задач исследования далеко выходит за сферу интересов истории литературного языка. Однако это две разных дисциплин не только в теоретическом плане, но и чисто практически (и методически), так как невозможно и целесообразно вместить в историю литературного языка всю проблематику исторической функциональной стилистики⁹.

Если к структурированию рассматриваемых дисциплин применить принцип поля, то ясно обозначаются два несовместных центра (по предмету и задачам изучения) и совмещающаяся периферия.

Итак, собственно проблематика функциональных стилей, представленная в диахроническом аспекте и реализуемая уровнем исследования функциональной стилистики вторым функциональным — это прерогатива исторической стилистики (как одного из направлений функциональной стилистики).

Именно здесь специальным предметом исследования является та или иная разновидность литературного языка, прежде всего функциональный стиль, история его формирования и развития, при этом стиль как явление системное, в котором единицы всех уровней, включая текстовые, взаимосвязаны и взаимообусловлены определенным коммуникативным заданием, которое вместе со всем экстралингвистическим комплексом данной речевой разновидности определяет закономерности отбора и организации языковых средств (в целом тексте, группе текстов), создающих его стилевую специфику.

Иначе говоря, анализ на уровне целого текста и группы текстов (стилевая типология речи) — это анализ собственно функционально-стилистический, компетенция этой отрасли языкознания; история же литера-

⁹ Как, например, в изучение современного русского литературного языка (т.е. современный период его развития) нельзя вместить всю проблематику синхронно представленной функциональной стилистики.

турного языка занимает как бы промежуточное место между дисциплинами, изучающими собственно строй языка (история языка как историческая грамматика и лексикология) и дисциплинами, изучающими его употребление. При этом она более тяготеет к функциональному аспекту (аспекту употребления), но изучает его на первом — в нашем понимании — уровне функционального исследования.

Наш итог: историческая функциональная стилистика, будучи одним из направлений функциональной стилистики, изучает закономерности функционирования языка в различных сферах и ситуациях общения — функциональных стилях и других речевых разновидностях (типах текста) как стилистико-системных образованиях — в процессе их формирования и развития на разных этапах истории языка.

При этом она сосредоточивает внимание именно на стилистико-системных свойствах целых текстов (как представителей типологии текстов, прежде всего функциональных стилей), а следовательно, на процессах образования и развития их лингвистической организации, смысловой структуры, композиции стилистико-текстовых категорий, механизмах развертывания текста и других признаках их стилистико-речевой специфики, обусловленных экстралингвистическими факторами этих текстов в исторической динамике последних. Языковые единицы и категории различных уровней рассматриваются при этом компоненты этих общих систем, создающие и реализующие стилевую специфику и другие стилевые черты соответствующих речевых разновидностей.

Литература

Авронин В.А., 1975, *Проблемы изучения функциональной стороны языка*, Ленинград.

Балли Ш., 1961, *Французская стилистика*, Москва.

Бондарко А.В., 1983, *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*, Ленинград.

Виноградов В.В., 1982, *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.*, изд. Москва.

Винокур П.О., 1959, *О задачах истории языка. — Избранные работы по русскому языку*, Москва.

Горшков А.И., 1984, *Теория и истории русского литературного языка*, Москва.

Звегинцев В.А., 1963, *Теоретические аспекты причинности языковых изменений*. – *Новое в лингвистике*, вып. 3, Москва.

Кайда Л.Г., 1992, *Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров)*. Автореф....дис. докт. филол. наук, Москва.

Колесов В.В., 1990, *Общие понятия исторической стилистики*. – *Историческая стилистика русского языка*, Петрозаводск.

Кубрякова Е.С., 1976, *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*, отв. ред. Б.А.Серебренников, Москва.

Ларин Б.А. 1975, *Лекции по истории русского литературного языка*, Москва.

Лузина Л.Г., 1989, *Введение. Категории стиля и проблемы стилистики в современном языкознании*. – *Проблемы современной стилистики*. ИНИОН АН СССР, Москва.

Мартине А., 1965, *Структурные вариации в языке*. – *Новое в лингвистике*, вып. 4, Москва.

Тарланов З.К., 1990, *О предмете и задачах исторической стилистики русского языка*. – *Историческая стилистика русского языка*, Петрозаводск.

Шмелев Д.Н., 1989, *Введение. Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств*. – *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект*, Москва.

Skubalanka T., 1984, *Historyczna stylistyka języka polskiego. Przekroje*, Wrocław.

Status of Historical Stylistics

The article deals with historical stylistics in relation to the history of literary language and to stylistics proper. The author defines the subject-matter and the research tasks of the first two disciplines mentioned above as of the isolated and independent subjects having some points of contact. Historical stylistics is treated as one of the trends of functional stylistics dealing with the problems of the history of the foundation of functional styles and other speech varieties, i.e. the diachronical aspect of the typology of speech, texts and the linguostylistic organization of the latter. While considering the problem the author applies the principle of the two-level research in functional linguistics.